

Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова

© доктор филологических наук *Е.В. Клобуков, 1997*

Функциональная, или коммуникативная, грамматика — одно из активно разрабатываемых в настоящее время направлений моделирования языковой системы в действии, в ее проявлении в виде речевой деятельности. Не ставя перед собой задачу дать в рамках краткой статьи картину соотношения различных подходов к функциональной грамматике¹, я постараюсь лишь полемически заострить некоторые вопросы методологии функционально-грамматического описания языковых явлений на морфологическом уровне.

Исходным пунктом последующих рассуждений является положение о том, что коммуникативная грамматика — это грамматика **речи**, т.е. грамматика речепорождения и речевосприятия, в отличие от традиционной описательной (“системно-структурной”) грамматики, или грамматики **языка**, объектом изучения которой являются парадигматические и синтагматические и иерархические соотношения между языковыми единицами.

Поскольку высшей единицей коммуникации является текст, то, следовательно, коммуникативное описание явлений на любом уровне языка (в том числе и уровне слова) может и должно быть соотносено с категориями текста.

В ходе предшествующих лингвистических исследований текста было выявлено, что в слове, традиционно считавшемся принципиально некоммуникативным (по А.А. Реформатскому — номинативным [10: 36]) объектом, в действительности широко отражаются разноплановые коммуникативно-прагматические свойства текста. Можно высказать утверждение, что ничто (или почти ничто) текстовое не чуждо слову.

---

¹ Отмечу в качестве отрадного факта завершение публикации в Санкт-Петербурге шеститомной коллективной монографии “Теория функциональной грамматики” под общей редакцией А.В. Бондарко; см. [1] и последующие тома данной серии. Реализация этого крупномасштабного научного проекта позволяет говорить о принципиально новом этапе развития идей функционализма, знаменующемся переходом от обсуждения общей идеи функциональной грамматики (которая не так уж нова, с учетом высказываний Л.В. Щербы об активной и пассивной грамматике) к претворению этой идеи в развернутом грамматическом описании русского языка на широком типологическом фоне.

Установление **дискурсивных механизмов слова** является одной из важнейших задач грамматической науки на рубеже двух веков и двух тысячелетий.

Коммуникативная грамматика слова мыслится как необходимый компонент грамматики порождения и декодирования речевых произведений, как составная часть интегральной коммуникативной грамматики [9: 16]. Коммуникация — это в обычном, неосложненном виде речевое взаимодействие двух коммуникантов, и каждый из них в каждый определенный момент коммуникации занят в нормальном случае совсем не тем, чем занят его партнер: адресант порождает речь, адресат же соотносит звучание со смыслами. Поэтому можно высказать еще одно утверждение: единой коммуникативной морфологии для говорящего и слушающего в принципе быть не может.

При общей базе смыслов мы наблюдаем две взаимосвязанные, но различные системы грамматических правил. Во-первых, это система правил кодирования речевого произведения, система правил упаковки смыслов со всеми необходимыми экспликациями и допустимыми импликациями (коммуникативная грамматика говорящего). Во-вторых, предполагается также особая система правил декодирования речевого произведения в направлении от чувственно воспринимаемых звучаний к переданным и имплицитным смыслам (коммуникативная грамматика слушающего). Это действительно разные грамматики (соответственно семасиологическая и ономасиологическая). Они апеллируют к разным психофизиологическим механизмам. Поэтому плодотворность нередко наблюдаемого смешения грамматики говорящего и слушающего в принципе проблематична.

Для построения системы коммуникативной морфологии необходимо решить в комплексе три задачи:

а) структурирование смысловой базы коммуникативной морфологии — она, естественно, является общей для грамматики говорящего и грамматики слушающего, иначе была бы невозможна успешная коммуникация;

б) построение оснований ономасиологической морфологии, понимаемой как компонент грамматики говорящего;

в) описание системы семасиологической функциональной морфологии, рассматриваемой в качестве одной из существенных составляющих грамматики слушающего.

Один из возможных подходов к решению первой из указанных исследовательских задач был реализован в середине 90-х гг. в терминах

теории номинации (поскольку проблемы номинации актуальны и для говорящего, и для слушающего: одному важно назвать нечто, другому — понять, что названо). Было разграничено [см.: 7; 9: 30] пять смысловых доминант, или пять направлений смыслового развития высказывания и текста:

1. **Сфера** номинации (ср. сферы диктума и модуса в понимании Ш. Балли).

2. **Уровень** номинации (целесообразно разграничивать следующие содержательные сущности: комплексный смысл текста; макропропозицию; пропозиция; конститутивный элемент пропозиции; дифференциальный признак элемента пропозиции).

3. Смысловой **ранг** номинации (имеется в виду системное противопоставление однородных смыслов высказывания и текста по степени их относительной значимости; ср. главный и комитативный субъект совместного действия; главный и сопутствующий признак предмета; главное и дополнительное действие одного и того же субъекта и т.п.).

4. **Референтный тип** грамматического средства (ср., в частности, возможности морфологических форм сигнализировать о разных типах референции именной группы или целого высказывания: *Преподаватель пошел с женой в кино. — Преподаватель имеет ряд обязательств перед студентом как участником процесса обучения; Яблоко срывается с дерева и падает на землю. — Яблоко падает на землю в период созревания*).

5. **Способ** номинации (номинация прямая/переносная: *Вчера я писал статью и вдруг услышал... — Пишу я вчера статью и слышу...*).

Различение указанных смысловых противопоставлений с последующим их синтезом позволяет построить действенную типологию грамматических значений, ориентированную на процесс коммуникации, т.е. дает возможность отразить в классификации грамматических значений коммуникативные потребности говорящего, стремящегося выразить определенные смыслы, и слушающего, цель которого — адекватно воспринять переданную ему в ходе коммуникации информацию.

Реализация задач, связанных с выявлением оснований семасиологической функциональной морфологии (сама возможность которой иногда оспаривается, поскольку существует мнение, что функциональная, или коммуникативная грамматика может быть построена только в направлении от значений к средствам их выражения), была, в частности, предпринята в связи с позиционным анализом русских падежных форм [6] и в более широком плане — при создании учебной программы курса

функциональной морфологии для студентов-филологов [8]. Морфология трактуется в указанной программе как один из существенных компонентов грамматики восприятия речи, поэтому последовательно проводится частеречно-категориальный подход к освещению материала с особым вниманием к условиям реализации значений в рамках того или иного функционально-семантического поля. При этом предполагается детальное описание контекстов реализации системы значений грамматической формы с использованием понятия функционально-семантической парадигмы морфологической формы. Под функционально-семантической парадигмой морфологической формы я понимаю класс ее закономерно чередующихся значений в соответствии с изменением контекстных условий [6: 78 и сл.].

Задача построения активной, или ономаσιологической морфологии в рамках грамматики говорящего также ставится не всеми учеными, разрабатывающими вопросы теории и практики функционального описания языка: нередко высказывается суждение, что функциональная морфология “активного”, по Л.В. Щербе, типа не имеет своего объекта, что активная морфология без остатка растворяется в интегральной ономаσιологической грамматике.

Такое утверждение не представляется обоснованным уже потому, что существует вероятностно-статистическая уровневая специализация языковых средств по типу номинации явлений внеязыковой действительности (а также действительности коммуникативной ситуации). Так, синтаксические единицы (предложения-высказывания, их комбинации, включенные — причастные, деепричастные, инфинитивные, предложно-падежные — обособленные обороты и т.п.) служат для выражения целостных пропозиций диктального или модального типа или же объединений пропозиций. Морфологические единицы, напротив, специализируются на обозначении не пропозиций², а отношений между конститутивными элементами пропозиции, между пропозицией и ее семантическими дериваторами (падеж), на выражении различительных признаков, которыми обладают конститутивные элементы и дериваторы пропозиции (основной еорпус категорий имени и глагола).

Рассмотрим некоторые особенности реализации ономаσιологического подхода к функциональной морфологии на материале русского падежа.

---

² Хотя нельзя не отметить, что в особых грамматических условиях морфологические формы и могут приобретать пропозитивную значимость, ср. давнюю традицию изучения так называемых пропозитивных актантов.

Следует сразу же констатировать, что в работах по коммуникативной грамматике в последнее время в принципе сравнительно мало внимания уделяется категории падежа (в отличие от функционально-грамматических исследований 70-х — 80-х гг.; см., в частности, имевшие огромное значение для становления коммуникативной грамматики труды Г.А. Золотовой по функциональному синтаксису). Это, можно сказать, в определенном смысле даже несправедливо по отношению к данной категории.

Прежде всего, падежные смысловые соотношения реально существуют в дискурсивных механизмах языка как вполне определенная когнитивная модель деривации текста, которой владеют все говорящие по-русски. Ср. обычные примеры из современной периодики: некий администратор предпочитает “просительный” падеж со стороны подчиненных; некто в администрации президента в преддверии выборов занял позицию “выжидательного” падежа... Эти и прочие “падежи” как проявления *отклонения*³ от исходного стандартного положения дел, от степеней нормального поведения (не говоря уже о “дательном”, “творительном”, “винительном”, “предложном” *падежах* с актуализацией и прямым осмыслением их калькированных обозначений, при соотношении с мотивирующими глаголами *дать, винить, предлагать, творить*) часто обыгрываются в газетно-публицистическом и художественном тексте. Следовательно, дискурсивные возможности уже самой падежной терминологии велики (в области грамматической терминологии с ними могут быть сопоставлены только когнитивные ресурсы терминологии глагольного времени и степеней сравнения).

Необходимо также обратить внимание на некоторые особенности падежного функционирования.

Основное предназначение падежа — служить строевым компонентом при формировании пропозиции [11]. Это, разумеется, дотекстовая (не дискурсивная) функция данной категории. Однако весьма важны два следующих обстоятельства.

Во-первых, конкретная презентация пропозиции — ее редукция, модификация, деривация — осуществляется под прямым воздействием текста. Так, предложение типа *Смеющийся человек вошел в аудиторию* (с редуцированной в виде причастного оборота пропозицией *Человек смеётся*) не может быть интродуктивным: нужен предшествующий контекст, подготавливающий редукцию пропозиции.

---

³ Ср. семантику греч. слова *ptosis*, исходного для термина “падеж”.

Во-вторых, тип пропозиции обнаруживает непосредственную связь с типом текста (эта проблема в несколько иной терминологии была поставлена Г.А. Золотовой [5: 5 — 15, 282 и сл.], причем не только в собственно научном плане, но и в учебной литературе для иностранных учащихся [см., например: 4]).

Я не случайно так подробно останавливаюсь на проблемах падежа. Изучение падежа наглядно показывает, что задачи морфологического описания в рамках активной грамматики говорящего стратегически отличаются от задач семасиологической морфологии слушающего.

В грамматике слушающего базовым понятием является, как известно, понятие части речи; вся дальнейшая классификация морфологических категорий опирается на семантическое пространство соответствующих частей речи. Так, частеречное значение предметности обычно трактуется как выражаемое в частных значениях рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа; частеречное значение процессуального признака (или “действия”) рассматривается как находящее выражение в частных значениях вида, наклонения, времени, лица и т.п.

В активной морфологии — морфологии порождения речи — базовым понятием оказывается именно понятие падежа. Продуцируемый текст складывается из минимальных коммуникативно самостоятельных единиц — высказываний. В основе же диктального компонента смысла высказывания оказывается пропозиция, которая образуется предикатом и его **падежными** аргументами. Что касается разграничения частей речи, то это оппозиция актуализируется в контексте грамматики говорящего лишь при решении задачи исчисления средств выражения компонентов пропозиции и при соотнесении основных и редуцированных презентаций пропозиции (например, когда предикат получает неизосемическое номинализованное выражение: *Петров **решает** задачу → **решение** Петровым задачи; Петров, **решающий** задачу* и т.п.).

Статус других категорий, исключительно важных для семасиологической грамматики, также может быть переосмыслен с точки зрения грамматики порождения пропозиции. Род, т.е. важнейшая, по В.В. Виноградову, категория имени в системе описательной морфологии [3: 56], с позиций активной грамматики — на порядок менее значимая категория по отношению к падежу. Падеж служит для обозначения **аргументов** предиката (обычно его актантов), тогда как род — это “**приаргументная**” категория, служащая для дополнительной характеристики актантов. Точно таков же номинативный статус других субстантивных категорий — числа и одушевленности/неодушевленности: все

перечисленные только что категории, в отличие от падежа, служат для семантической конкретизации называемых с помощью падежных форм (или предложно-падежных конструкций) актантов пропозиции по тому или иному достаточно частному признаку — биологический пол, отношение к классу живых существ / иных предметов, количество.

Более “мощным” по сравнению с типичными номинативными возможностями указанных именных категорий является смысловой репертуар глагольного вида (в обычном случае — это уточнение референции целого высказывания, ср. ключевое понятие аспектуальной ситуации в понимании А.В. Бондарко: [1: 116 — 200; 2: 12]. Иной номинативный статус у категории глагольного лица, план содержания которой характеризуется выходом за рамки диктума (и, соответственно, за рамки собственно текста в сферу дискурса), соотнося актанты денотативной и коммуникативной ситуаций.

Таким образом, вопреки господствующим представлениям, в соответствии с которыми а) любое приближение к выявлению коммуникативной природы языка должно непременно базироваться на ономаσιологических (и никоим образом — на семасиологических) основаниях и б) коммуникативная морфология растворяется в интегральной функциональной грамматике, полностью поглощается в последней⁴, — мы полагаем, что функциональная (= коммуникативная) морфология обладает самостоятельным объектом изучения и в соответствии с интенциями коммуникантов (говорящего и слушающего) состоит из двух взаимосвязанных, но тем не менее различных частей: ономаσιологической функциональной морфологии говорящего (составляющей морфологический компонент активной грамматики) и семасиологической функциональной морфологии (в рамках грамматики слушающего).

Л и т е р а т у р а

- [1] *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
[2] *Бондарко А.В. и др.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
[3] *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Издание 2. М., 1972.

---

⁴ Не случайно опубликованные в 70-е — 80-е гг. проспекты функциональной (идеографической и т.п.) *морфологии* русского языка были в конечном итоге реализованы в виде кратких или развернутых моделей функциональной (идеографической и т.п.) *грамматики*.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

- [4] Жуковская Е.П., Золотова Г.А., Леонова Э.Н., Мотина Е.И. Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей. I — II курсы. Практическая грамматика. М., 1984.
- [5] Золотова Г.А. Аспекты коммуникативного синтаксиса. М., 1981.
- [6] Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (Введение в методику позиционного анализа). М., 1986.
- [7] Клобуков Е.В. Система содержательных координат русской функциональной морфологии // Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов ученых России на VIII Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1994.
- [8] Клобуков Е.В. и др. Функциональная морфология // Программа дисциплины “Русский язык как неродной (иностранной)” / Под редакцией М.В. Всеволодовой и В.В. Добровольской. М., 1994.
- [9] Клобуков Е.В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе). М., 1995.
- [10] Реформатский А.А. Введение в языковедение. Издание 5. М., 1996.
- [11] Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М., 1981.